

A detailed illustration of a misty forest. In the foreground, a hunter wearing a brown hat and jacket sits on a wooden stool, looking towards the center. The forest floor is covered in fallen logs and moss. In the middle ground, a deer stands near a stream. The background is filled with tall, thin trees and a thick mist that obscures the distant landscape.

Ильгиз Гиматов

Волчья падь

Ильгиз Гиматов

Волчья падь

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

Волчья падь / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

Прожигатель жизни Арсений по воле отца оказывается в таежной глуши в "гостях" у мрачного старика. И сразу же попадает в центр не понятных, но смертельно опасных событий. На таежных отшельников охотятся волки. Чтобы выжить люди убивают волков ножами. С ними "снежный человек".

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мажор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Волчья падь

Мажор

Лопастни вертолета чавкают, вспарывая пласты промерзшего таежного воздуха. Волны снежной пыли скручиваются в бешенные воронки. Они пытаются опрокинуть винтокрылую машину, но, не в силах с ней справиться, со свистом отскакивают в сторону и рассыпаются в низкую поземку.

Вертолет зависает на высоте двух-трех метров над землей. Из него на сугроб вываливаются несколько ящиков и мешков. Один из них плоский метра два в длину похож на зашитый спальник. По очертаниям в нем угадывается человеческая фигура.

Сброшенный груз тонет в снегу.

Семитонный воздушный аппарат наклоняется носовой частью вперед и легко по диагонали уходит вверх от точки сброса.

– Командир! – в наушниках шлемофона голос бортиженера. – Володя! Глянь на приборы... Они сошли с ума!

Спокойно, бортач! Здесь всегда так... Аномалия!

– Не зря даже охотники сторонятся этих мест, – слышится голос второго пилота. Волчья падь! Говорят, нечисть всякая здесь водится...

– А для кого посылку-то мы скинули?

– Для лешего Тимохи, бортач... Лет двадцать старик Тимофей здесь отшельничает... Избушка у него на куриных ножках – развалюха... Геологи сказывали. Хотели они помочь нормальный дом поднять. Отказался.

– Володя! А мешок шевелился, стонал и матерился, когда я его сталкивал с борта... Там что-то живое, человеческое...

– Не наше дело, бортач... Мы выполнили полетное задание – груз доставлен. – голос командира посуровел. – Все, кончай трюндеть, пацаны... Возвращаемся на базу!

У сугроба, из которого выглядывали углы мешков и ящиков, останавливается снегоход. У него на мягком веревочном буксире, как большие ледянки без полозьев, цинковое корыто в деревянной окантовке из грубо оструганных, связанных между собой стволов молодых деревьев.

Седобородый человек с ног до головы одетый в меховую одежду из зверинных шкур грузит ящики и мешки в прицеп. Последним пристраивает длинный плоский мешок. В нем кто-то матерится. Человек в шкурах не обращает на это внимание.

И снегоход легко без надрыва тащит груз в глубину распадка. На склонах по его сторонам пытается вновь впасть в зимнюю дрему непроходимая тайга. Рокот двигателей вертолета, потревожившего первобытное безмолвие Волчьей пади, стихает за скалами горы нависающей над ней.

– Кто я? Где я?..

Я лежу на голых грубых досках у бугристой тускло освещенной бледным рассеянным светом стены. Рассматриваю ее. Эти бревна вовсе не бревна, а какие худосочные бревнышки. Диаметр не больше десяти сантиметров. Кривые, горбатые. Уроды горбуны. Из такого же уродства низкий потолок.

– Где я?..

Переворачиваюсь на другой бок. Все тело болит. Пинали меня что ли?

В противоположной стене прорублено окно. Небольшое. Похоже на амбразуру. Наверное, и голова не пролезет. Рамы нет. Стекла тоже.

Из этого окна-амбразуры льется тусклый мертвый свет.

– Где я?.. В склепе? Я умер и меня заживо похоронили? Если умер, почему в голове эти вопросы шевелятся... Может быть так и бывает... Или я не до конца умер... А люди подумали что умер совсем... Я же уже впадал несколько раз в кому... Это тоже похоже на смерть... Это такая черная яма с ужасами и страхами... Да я опять в яме. Я в кошмаре. Под головой у меня какая-то шкура с большим ворсом. Ощущаю его щекой. На мне до подбородка тоже шкура, но с небольшим ворсом. От шкур дурно пахнет. Помещение, в котором я лежу провоняло тухлым мясом, дымом, и еще какими-то мерзотными запахами. Смерд. Меня тошнит. Меня трясет и колотит. Мне холодно. Заткните чем-нибудь кто-нибудь эту амбразуру из которой льется ледяной свет.

Закрываюсь с головой вонючей шкурой. Если очухаюсь, надо будет сразу принять горячий душ... Если не очухаюсь? Мне тогда будет все равно как вокруг пахнет и как буду сам я пахнуть, разлагаясь в этом дерьме... Темная бездна засасывает меня... Вонючая тина забивает мне глаза и рот, льется в мозг... Где я?

Вжикрр... вжикрр... вжикрр... вжикрр... вжикрр...

Равномерно бесконечно трется железо об железо. Неприятные шершавые звуки крючками цепляются за сознание и вытаскивают меня из бездны забвения.

Мне жарко и душно. На стене по стволам бревнышек рябь отблесков огня, который бушует в железной печке. Она низко присела посреди комнаты. От нее прямо в потолок уходит труба. Пламя иногда пытается выглянуть из отверстий в дверце печи, но лизнув своим отсветом серые сумерки снова прячется.

На столе с корявыми ножками из березовых толстых веток, под амбразурой окна восседает допотопная лампа. Такие я видел только в кино. Оранжевая бабочка пламени дрожит и бьется в стеклянной колбе. Пахнет керосином.

Перед лампой разложены какие-то железяки и инструменты: напильники, отвертки, гаечные ключи, пассатижи. К столешнице прикручены небольшие тиски. В них зажато какое-то непонятное устройство из железных пластинок и пружинок. По нему, низко склонившись, водит напильником старик в меховой безрукавке поверх истрепанной ветровки. Всклоченные белые волосы на голове качаются в такт движениям. Такого же цвета широкая борода чуть ли не касается поверхности стола. Лохматая тень прыгает с потолка на стену и обратно, повторяя движения старика.

– Очухался? – сказал он, не поворачивая голову в мою сторону и не прекращая орудовать напильником.

– Ты кто? – спрашиваю.

– Дед Пихто.

Наконец встречаюсь взглядом с его глазами. Они белые. Белее его волос на голове. Белее бороды. Зрачков, кажется, совершенно нет. Их не видно. Страшные пустые глаза. От них вдоль носа к бороде ползут глубокие неровные бороздки морщин. Старый, очень старый совершенно седой старик. Даже ресницы и брови серебрятся.

– Вы кто? – поправляю себя.

На этот раз он не устаивает меня ответом.

Железо продолжает грызть железо.

Вжикрр... вжикрр... вжикрр...

Но эти звуки уже не царапают мозг, а звучат фоном моим размытым мыслям.

– Где я?..

Черт побери... Что это я задаю одни и те же глупые вопросы?. Кому я их задаю?.. Это у меня глюки... Глюки и эти шкуры на мне, и эта хибара, узкое окно и белый старик вжикающий железом по железу, и эти дурацкие вопросы, которые я задаю неизвестно кому... Элементарные глюки... Чему удивляться... Как будто это со мной первый раз... О... Как мне плохо! Вчера та последняя бутылка «Хеннеси» была явно лишней. Все и без нее ужрались... Потом в машине засмолили косячок... Потом перетягивали жгутом руки... И ржали, когда при виде иглы вены прятались... А дальше - не помню... Интересно как я оказался на этой турбазе ... Это точно турбаза стилизованная под старину... Слышал, бывают такие. Или на необитаемом острове собирают мажориков и организуют им крутую балдежную тусню. Интересно, здесь есть бар? Должен быть. Отдых и отходняк на таких базах невероятно дорогой... И поэтому должен быть бар. Должен быть и холодильник в бунгало... Если всю эту мерзость, в которой я нахожусь можно так назвать... А как же еще назвать? Старик, наверное, мой личный стюард и гид-проводник... Сейчас бы глотнуть холодного пивка из горла. Или стопарь водки прозрачной хапнуть. И балычком зажевать. Но сил нет дойти и до холодильника. Во рту все выгорело. Спать, спать... Надо отключить телефон... Не отвечать на звонки. И нырнуть в спасительную мутную бездну...

– Можешь не отключать... - старик смотрит на меня. Мне непонятно его настроение. Губы прячутся под усами. Глаза без зрачков ни о чем не говорят.

Почему?

–Здесь на двести километров в любую сторону сплошь скалы, тайга и болота - связи нет. Старик, лепит горбыли. Как это нет связи? Как это в любую сторону тайга?

– Никто тебе не позвонит, и ты никому не позвонишь...

Бред! У меня начинается ломка... У меня бред! Слова старика – бред! Надо завязывать с пьянкой... Вот сейчас похмелюсь – и все!

– Старик! Поддай пива из холодильника!

Старик не ответил мне. Только чаще напильник заскрежетал по железу.

– Старик! Ты не слышишь? Тебя уволят, на хрен! Ты знаешь кто мой отец?

Напильник опять вошел в прежний равномерный ритм.

Вжикрр... вжикрр... вжикрр...

Будто ржавые ходики отбивают время.

И равнодушный голос:

– Я живу без холодильника.

Ладно пойдем другой дорожкой.

– Пива хочу! Сбегай, старик! Тут наверняка есть какой-то продуктоаый комочек или маркет... А? У меня в грудном кармашке куртки должна быть початая пачка красненьких... Пятитысячных. Ты таких денег отродясь не видел... Точняк! Одна тебе на чай за скорость.

Старик молчит. Обалдел, наверное, от таких бабок. Да, старикан, иногда не знаешь откуда что вальнет...

– Старый, слышишь? Возьми упаковку пива, литруху водочки мне. И себе - что ты там принимаешь... И что-нибудь зажевать. И минералку. И хороших сигарет блок. Погуляем чуток... Познакомимся.

– Щедро накрываешь, однако... - человек в шкурах смотрит на меня в упор ничего не выражающими глазами.

О... Как мне плохо... Похоже меня здесь не понимают.

– Давай шустрей, старичок... Не зли меня. Знаешь кто мой о...

Не успеваю договорить. Лечу на пол. Оказывается, он земляной. Утрамбованный до каменного состояния. Он, как бетонный. Чувствую это каждым своим мослом.

Седой лохмач, сдернув меня на пол, опять сидит на пеньке-табурете у кривого стола.

Вжикр... вжикр... вжикр...

Ничего не понимаю. Это кошмарный сон. Бред! Но почему так больно? Похоже я ударился затылком об утрамбованный пол.

С трудом поднимаюсь. Меня мотает. Забираюсь на полати. Зарываюсь в шкуры. Погружаюсь в тошнотворную муть.

– Вставай, гаденыш! – скрипучий голос вкручивается в мой мозг. – Что ты скулишь и стонешь во сне?.. Совесть мучает? Или ломка началась?..

С трудом разлепляю глаза. Тот же бревенчатый кривой потолок надо мной. Те же уродские стены. Тот же звероподобный старик. Только он теперь не сидит на пне у стола, а стоит рядом со мной. На голове шапка. Похожая на меховой капюшон, задняя часть которой, как бурка, сползает на спину.

Почему гаденыш? Я мальчик, которого не повели сегодня в садик не потому что он плохо себя вел, а потому что он очень и очень сильно болеет. У него выворачиваются кости наизнанку. У него печень и поджелудочная разрываются и вопят от боли. У него сердце сейчас остановится. Оно бьется через раз. У него сейчас мочевой пузырь лопнет. Он сейчас описается

Старик прерывает мои мысли.

– Слушай сюда... Чай на травах в чайнике на печке... Тебе сейчас в самый раз... Зайчятина тушенная в котле. Вода в канистре под столом. Замерзнешь – дрова на улице... Спички и свеча на столе. Лампу я убрал. Она не для криворуких дебилов... Спалишь хозяйство.

Я начинаю кипеть от злости. Боли в теле размываются и стихают. Ты кто что бы со мной вот так – «гаденыш...», «криворукий дебил...». Да я тебя... Да ты, дед вонючий, не знаешь кто мой отец...

Я это не сказал. Я это подумал. А этот лешак услышал.

– Знаю, – сказал он. – Я знаю кто твой отец. И знаю кто ты есть. На столе весточка от твоего отца... Не тебе. Мне о тебе. Будет время и охота – почитай... Будешь в курсе.

Молчу. До меня начинает доходить, что все вокруг и все, что происходит со мной не сон, не кошмар, а конкретная реальность. В какое дерьмо я влип на этот раз?.. Боль возвращается в каждую клеточку тела. Я – взрыв боли. Сильно до рези в животе хочется в туалет.

– Слушай сюда... Мне некогда нянчиться с тобой... Надо проверить капканы. Вернусь завтра к вечеру... Начинай выживать, мажорик тухлый... Или сдохни.

Пружина внутри меня сжата до предела. Но сил кинуться на старого гада нет. Ладно окрепну, там посмотрим. А пока включу дурака.

– Где у вас туалет?

– Хороший вопрос, засранец. На улице... Но, если нагадишь у избушки, руками заставлю убирать... Здесь тебе не город, чтобы гадить где захочется... Метров в ста направо, как выйдешь, в ельничке навес еловый шалашиком. Под ними бревнышки накатом. Под ними яма. Посередине наката пары бревнышек нет. Вот туда и... Не поскользись... Не вылезешь... Скажут был дерьмом и сгинул в дерьме... Понятно?

Молчу. Но думаю: давай, давай – лепи, старикан. Сочтемся...

– Сочтемся, – опять он услышал мою мысль. – И еще... Слушай сюда... На ночь запирайся на щеколду. Мало ли что... Если что, затаись как мышь... Бог даст, свидимся.

Старик вышел.

Глухо зарокотал мотор снегохода, взревел и постепенно его не стало слышно.

Я выхожу из избушки. Вернее, выползаю. И по узкой полузанесенной снегом тропке из последних сил иду в сторону ельника. Меня качает. Несколько раз опускаюсь на колени, удерживая равновесия. Поднимаюсь, опираясь на ладони. Пальцы сводит холодом. У меня никогда в жизни так не мерзли пальцы. Холод пробирается во все части тела. Трясусь всеми видами дрожи: и мелкой наждачной, и крупной зубодробительной, и еще хрен его знает какой... Нет – это кошмар. Это – глюк. Я сам – сплошной кошмарный глюк. Мои кости выворачиваются

наизнанку, взрываются, рассыпаются на иглы и осколки и вонзаются в каждую мышцу изнутри. Господи! Как же мне больно!

Пытаюсь выбраться из вонючей ямы. Его стены рыхлые и скользкие. И в последний момент, когда кажется вот-вот зацеплюсь за край ямы и подтянусь на руках, срываюсь. Обрушивается часть стены и меня засыпает мокрой холодной землей. Выплюываю ее и повторяю попытку. Но вновь и вновь срываюсь со стены.

Эй! Кто-нибудь! Помогите!

Просыпаюсь, так и не узнав удалось ли мне вылезти.

Во рту горькая наждачная бумага. Все пересохло. Горло потрескалось. Хочу пить. Старик говорил о чае на столе. Пытаюсь сфокусировать взгляд. Это трудно. В избушке размытый полумрак. Было бы совсем темно, если в окошко-амбразуру не заглядывал серпик луны. Так... Начинает что-то вырисовываться. Вот стол. Вот чайник на нем... Надо заставить себя встать...

Вдруг серпик луны исчезает. Что-то темное заслоняет его. Вместо золотого серпика два зеленых огонька. Два мерцающих зловещих зеленых огонька. Мистический зеленый свет льется в меня.

У меня волосы дыбом на голове. У меня волосы шевелятся во всех местах, где они растут. У меня ноги и руки холодеют.

Огоньки вздрагивают. Слышится не то глухой кашель, не то осторожный вскрик:

– Хешк...

Дикий ужас! С наружи смотрит на меня что-то страшное, первобытное... В отблеске глаз выступает оскаленная волосатая морда. Угадываются огромные клыки...

Что там говорил чертов дед? Если что, надо затаиться мышью... Вот оно и случилось это самое «если что...». Но какое тут затаиться...

Я вскрикиваю. Нет, я ору. Вот сейчас мои голосовые связки точно рассыпаются до колючих молекул. И от этого своего душераздирающего вопля мне становится еще страшнее.

Зеленые огоньки в окошке исчезают. В нем опять сияет кривая улыбка лунного серпика.

Привиделось. Мне все привиделось. Но чьи тяжелые частые убегающий шаги слышу? Грузные человеческие шаги.

Рывком натягиваю на голову шкуру-одеяло, и зарываюсь лицом в шкуру-подушку.

Я этого не вижу и не слышу... Значит этого нет.

Прихожу в себя от деревянного стука дров, падающих на земляной пол у раскрытой печки. Старик садится на корточки и начинает ее разжигать. Я радуюсь его приходу. Странно... Когда он уходил, я его ненавидел. Теперь смотрю на него как на родного и близкого человека, с приходом которого исчезли все мои страхи.

Трещит березовая кора. Огонь начинает лизать поленья и рубленые ветки.

– Задержался чуток, – говорит старик. Из рта у него клубится пар. – Обернулся не за сутки, а за двое... Движок барахлит... Надо менять...

Значит я двое суток был здесь один.

– Ты что не топил? И не ел. И не пил. В чайнике лед. В котелке холодец...

В голосе нет злости на меня.

– Вставай. Сейчас свежего чаю заварганим... И шулюмчик подогреем... Вставай, вставай... Надо жить, брат... А чтобы жить, надо есть... А не наоборот. Надо выбираться из дерьма. Надо, дед, надо.

Сажу на пеньке за столом. Пенек накрыт какой-то тухлявой дерюжкой. Грею пальцы алюминиевой кружкой. В ней горячий травяной чай. Не сладкий. Но он мне нравится. Пью еще и еще... От еды отказываюсь.

Пятилитровый чайник пустеет. Не заметил, пил ли сам старик. Он заносит с холода две замерзшие заячьи тушки. Бросает на пол у печи.

– Чуток оттают... Снимем шкурки. Покажу как...

После чая мне почти хорошо. Во мне опять оживает пофигист и прожигатель жизни. И на хрен не нужны мне, старикан, твои зайчики... Вон какие у них милые мордашки... И сами они белые и пушистые... А ты, дедушка, садист дремучий их убил. Интересно как?.. И шкурки мне не нужны... И как их снимать знать я не хочу.

Сегодня меня уже не удивляет, что белый старик читает мои мысли.

– Очень даже будут нужны и зайчики, и их шкурки. Ты сам их будешь убивать, чтобы выжить. И жрать ты их будешь.

Похоже, я опять разозлил деда своими мыслями. Надо научиться их контролировать...

– Надо, – говорит дед. – Мысли материальны... Читать их не трудно. Надо и желания свои держать в узде железной... Особо желания тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.